

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ ВЪ БУТЫЛКѢ.

Сочиненіе Эдгарда Поэ.

Отъ Редакціи. Въ № 14 «Сына Отечества» мы представили читателямъ нашимъ очеркъ жизни и краткую оцѣнку таланта Эдгарда Поэ, одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ писателей въ Сѣверной-Америкѣ. Теперь мы публикуемъ переводъ одного изъ разсказовъ этого автора. Въ разсказѣ этомъ видны особенности таланта Поэ—таланта, въ которомъ фантазія и реалистичность, какъ у Гофмана, чудно соединены съ глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго, такъ—что почти вѣршишь самымъ невозможнымъ событіямъ. Въ избранной нами повѣсти читатель встрѣчается съ преданіемъ, общимъ всѣмъ морскимъ народамъ, — о «кораблѣ-призракѣ» (a phantom ship, le vaisseau-fantôme).

Qui n'a plus qu'un moment à vivre
N'a plus rien à dissimuler.
Quinault.—Atys.

Очень мало могу я сообщить о своей родинѣ и семействѣ. Воспоминанія о разныхъ неприятностяхъ и давность времени сдѣлали меня чуждымъ тому и другому. При помощи отцовскаго наслѣдства, я получилъ образованіе не изъ самыхъ обыкновенныхъ; природныя мои способности составили нѣчто цѣлое, систематическое изъ запаса свѣдѣній, старательно собранныхъ ученіемъ. Болѣе всего наслажденія доставляли мнѣ сочиненія нѣмецкихъ философовъ, и не отъ безразсуднаго поклоненія ихъ краснорѣчивымъ бреднямъ, но отъ удовольствія, которое я, имѣя привычку къ строгому анализу, находилъ въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ уличить ихъ въ ошибку. Меня часто упрекали въ сухости ума; недостатокъ воображенія ставили мнѣ въ преступленіе; пирронизмъ моихъ мнѣній я всегда былъ знаменитъ. И дѣйствительно, большая склонность къ философіи естествознанія сообщила моему уму одинъ изъ самыхъ частыхъ недостатковъ нашего вѣка,—то есть, привычку относить къ этой наукѣ обстоятельности, не имѣющія съ нею ничего общаго. Зато, никто менѣе меня не былъ способенъ вырваться изъ-подъ строгихъ законовъ правды и увлечься блудящими огнями суевѣрія. Я счелъ необходимымъ это вступленіе, боясь, что безъ него невѣроятный мой разсказъ будетъ принятъ за бредъ болѣзненнаго воображенія, а не за положительный опытъ такого ума, для котораго мечты фантазіи никогда не существовали. Проведя нѣсколько лѣтъ въ дальнемъ путешествіи, я отправился моремъ, въ 18... году, изъ Батавіи, что на богатомъ и многолюдномъ островѣ Явъ, въ небольшую морскую прогулку по архипелагу Зондскихъ острововъ. Я былъ на кораблѣ пассажиромъ, — не имѣя другаго побужденія, кромѣ какого-то первичнаго безпокойства, которое всегда преслѣдовало меня, какъ злой духъ.

Наше судно, въ четыреста тоннъ, было выстроено въ Бомбей и обито мѣдью. Оно было нагружено хлопчатой бумагой, шерстью и лакедивскимъ масломъ; сверхъ того у насъ былъ тростниковый сахаръ, кокосовые орѣхи и нѣсколько ящиковъ опиума. Корабль былъ душно нагруженъ, и потому не всегда слушался руля.

Мы снялись съ якоря при первомъ попутномъ вѣтрѣ, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней шли вдоль восточнаго берега Явы; и только встрѣча красивыхъ небольшихъ рифовъ архи-

пелага, въ которомъ мы находились, нѣсколько разнообразила наше путешествіе.

Разъ вечеромъ, стоя у борта и облокотясь на снасти, я замѣтилъ очень странное облако, совершенно уединенное, по направленію къ сѣверо-западу. Оно было замѣчательно по своему особенному цвѣту; при томъ, это было на ясномъ, южномъ небѣ, первое облако послѣ нашего отплытія изъ Батавіи. Я за нимъ внимательно слѣдилъ до заката солнца; тогда оно вдругъ распространилось отъ востока на западъ, обложивъ горизонтъ поясомъ испареній и представляясь длиною полосой низкаго берега. Вскорѣ послѣ этого, мое вниманіе было отвлечено темно-краснымъ цвѣтомъ луны и особеннымъ видомъ моря, въ которомъ совершалась быстрая перемѣна, и вода казалась прозрачнѣе обыкновеннаго. Я могъ ясно видѣть дно, однако, бросивъ лотъ, узналъ, что глубины было пятнадцать брассовъ. Воздухъ сдѣлался невыносимо жарокъ; онъ былъ наполненъ испареніями въ родѣ тѣхъ, которыя подымаются надъ раскаленнымъ желѣзомъ. Къ ночи вѣтеръ спалъ, и насъ застигъ такой штиль, какой трудно себѣ представить. Свѣча горѣла совершенно спокойно на верхней палубѣ; длинный волосъ, взятый большимъ и указательнымъ пальцами и опущенный внизъ, падалъ прямо, безъ малѣйшаго колебанія. Такъ какъ во всемъ этомъ капитанъ не видѣлъ никакихъ признаковъ опасности, и насъ влекло къ берегу, то онъ велѣлъ убрать паруса и бросить якорь. Вахты не поставили, и наши матросы, большею частью Малайцы, разлеглись спать на палубѣ. Я сошелъ въ каюту, смутно предчувствуя несчастье; всѣ эти признаки заставляли меня бояться симуна. Я сообщилъ капитану свои опасенія; но онъ не обратилъ вниманія на мои слова, и отошелъ, не удостоивъ даже меня отвѣтомъ. Отъ безпокойства я, однако, не могъ заснуть, и, около полуночи, вышелъ на палубу. На послѣдней ступенькѣ трапа я былъ испуганъ шумомъ, похожимъ на быстрое обращеніе колеса въ мельницѣ, и прежде чѣмъ успѣлъ разузнать причину этого, почувствовалъ, что корабль дрожитъ всѣмъ составомъ. Почти тотчасъ же налетѣлъ шквалъ, бросилъ наше судно на бокъ, и пробѣжавъ по немъ, смылъ все съ палубы, отъ носа до кормы.

Необыкновенная сила шквала послужила спасеніемъ для корабля. Хотя онъ былъ весь погруженъ въ воду и мачты уже снесло за бортъ, онъ все-таки, недолго спустя, тихо приподнялся, и колеблясь нѣсколько минутъ подъ сильнымъ напоромъ бури, окончательно выпрямился.

Какимъ чудомъ я былъ спасенъ отъ смерти, рѣшительно не могу сказать. Оглушенный шумомъ воды, я лишился чувствъ, а когда очнулся, то увидѣлъ себя на палубѣ, около руля. Съ большимъ трудомъ всталъ я на ноги, и, глядя вокругъ, прежде всего былъ пораженъ мыслью, что мы на подводныхъ камняхъ, въ сильномъ прибоѣ волнъ: такъ ужасенъ, такъ невообразимъ былъ вихрь этого страшнаго, пѣнящагося моря, которое насъ окружало. Черезъ нѣсколько минутъ, я услышалъ голосъ стараго Шведа, который отплылъ вмѣстѣ съ нами изъ Батавіи. Я началъ звать его изъ всѣхъ силъ, и онъ, качаясь, пробрался ко мнѣ. Скоро стало очевидно, что мы одни пережили эту ужасную ночь. Все, что было на палубѣ, исключая насъ, было снесено за бортъ; капитанъ и матросы погибли во время сна, кто на верху, кто въ каютахъ, залитыхъ водою. Безъ посторонней помощи мы не могли надѣяться спасти корабль; наши попытки прекращались особенно убѣжденіемъ, что мы можемъ съ минуты на минуту пойти ко дну. Нашъ якорный канатъ порвался, какъ нитка, при первомъ ударѣ урагана; иначе мы были бы мгновенно поглощены. Мы мчались въ открытое море съ ужа-

сающею быстротою, и вода дѣлала безпрестанно пробиты въ корпусъ судна. Наружная обшивка кормы была мѣстами оторвана, и, почти во всѣхъ частяхъ, видны были значительныя поврежденія; но, по-крайней-мѣрѣ, мы съ радостью увидѣли, что помпы не совсѣмъ испорчены, и что нѣкоторыя части груза еще не погибли. Самое большое бѣшенство бури прошло, и намъ нечего было больше бояться силы вѣтра; но мы съ ужасомъ думали о минутѣ, когда окончательно стихнетъ, увѣренные, что въ нашемъ бѣдственномъ положеніи намъ не останется никакого спасенія. Но этотъ, совершенно основательный страхъ, казалось, не скоро оправдается. Впродолженіе цѣлыхъ пяти сутокъ мы пытались только нѣсколькими кусками тростниковаго сахара, вытасченными съ большимъ трудомъ изъ-подъ палубы; нашъ корабельный кузовъ стремился съ неисчислимою быстротою по направленію порывистаго вѣтра; шквалы быстро слѣдовали одинъ за другимъ, и, не равняясь съ первымъ ударомъ симуна, били все-таки ужаснѣе всякой бури, какую я когда-либо видѣлъ до-тѣхъ-поръ. Въ первые четыре дня нашъ путь, за исключеніемъ незначительныхъ перемѣнъ, направлялся къ юго-востоку; мы ждали, что море выброситъ насъ на берега Новой-Голландіи.

На пятый день, ходокъ сдѣлался невыносимъ, хотя въ вѣтрѣ не было значительной перемѣны. Солнце взошло съ желтымъ и болѣзненнымъ блескомъ, и поднялось надъ горизонтомъ едва на нѣсколько градусовъ, не давая привычнаго свѣта. Тучъ вовсе не было, но вѣтеръ сталъ еще свѣжѣе и свѣжѣе, и дулъ съ бѣшеными порывами. Около полудня, такъ намъ казалось, наше вниманіе вновь было привлечено видомъ солнца. Оно не испускало свѣта, но было родъ огня, мрачнаго и грустнаго, безъ отраженія, какъ будто-бы всѣ лучи его были сосредоточены. Передъ закатомъ въ бушующее море, его центральный огонь внезапно исчезъ, какъ будто бы мгновенно былъ погашенъ необъяснимой силою. Осталось только блѣдное серебристаго цвѣта колесо, и оно устремилось въ неизмѣримый океанъ.

Мы напрасно ждали шестаго дня; этотъ день для меня еще не насталъ, а для Шведа не насталъ никогда. Мы съ-тѣхъ-поръ были поглощены мракомъ, такъ-что не могли бы видѣть предмета въ двадцати шагахъ отъ корабля. Насъ обнимала вѣчная ночь, которой мракъ не уменьшался даже фосфорическимъ блескомъ моря; къ этому блеску мы такъ привыкли въ тропикахъ, а тутъ и его не было. Еще мы замѣтили, что хотя буря свирѣпствовала не утихая, но вокругъ себя мы не могли открыть никакого признака жизни стихій, ни даже тѣхъ бруновъ и бѣлоголовыхъ волнъ, которые насъ сопровожали до-сихъ-поръ. Кругомъ насъ вездѣ былъ ужасъ, густой мракъ, влажная пустыня, цвѣта чернаго дерева. Суевѣрный страхъ вселялся постепенно въ умъ стараго Шведа; моя душа была погружена въ нѣмое оцѣпенѣніе. Мы окончательно оставили всякое попеченіе о кораблѣ, какъ бесполезную заботу, и держась какъ можно крѣпче за остатки мачты, съ горечью смотрѣли во всѣ стороны на неизмѣримый океанъ. Намъ не было средствъ узнать время и вывести какое-бы то ни было заключеніе о нашемъ положеніи. Мы только были убѣждены, что находимся южнѣе всѣхъ прежнихъ мореплавателей, и потому насъ чрезвычайно изумляло, что мы не встрѣчали обыкновеннаго препятствія—льда. Всякій мигъ мы страшились, что это послѣдній въ нашей жизни; каждая большая волна мрачно катилась, чтобы задавить насъ. Волненіе превзошло всякое описаніе; каждую минуту мы считали за чудо, что еще не идемъ на дно. Мой товарищъ говорилъ о легкости нашего груза и расхваливалъ прекрасныя качества нашего корабля; я

же чувствовалъ, что никакъ не могу предаться отчаянію, и меланхолически приготовлялся къ смерти, которую ждалъ неминуемо, часомъ раньше или позже; потому-что, при каждомъ узлѣ, который проходилъ нашъ корабль, волненіе этого чернаго, необыкновеннаго моря все становилось мрачнѣе и ужаснѣе. Изрѣдка, подымаясь по волнамъ на высоту, превосходящую полетъ альбатроса, у насъ захватывало дыханіе; иногда чувствовалось головокруженіе, когда мы опускались вдругъ съ ужасной быстротой во влажную бездну, гдѣ воздухъ былъ безъ движенія, и гдѣ ни какіе звуки не могли прервать сонъ кракена *.

Мы были въ глубинѣ одной изъ такихъ безднъ, когда внезапно раздался ночью зловѣщій крикъ моего товарища. — Смотри! смотри! — кричалъ онъ мнѣ: — Всемогущій Боже! Смотри! смотри! — Когда онъ говорилъ, я замѣтилъ красный свѣтъ, съ блескомъ мрачнымъ и грустнымъ, мелькавшій на склонѣ страшной пропасти, въ которой мы были, и бросающій въ нашу сторону дрожащее отраженіе. Поднявъ глаза, я увидѣлъ зрѣлище, отъ котораго у меня кровь оледѣнѣла. На ужасающей высотѣ, прямо надъ нами и на самой вершинѣ стѣны водяной пропасти, плылъ гигантскій корабль тысячи въ четыре тонновъ. Хотя волна, на которой онъ находился, была во сто разъ громаднѣе его, но онъ все-таки казался больше всякаго корабля, линейнаго или Ост-Индской компаніи. Его огромный корпусъ былъ совершенно чернаго цвѣта, безъ всякихъ украшеній, какія обыкновенно бываютъ на корабляхъ. Простой рядъ пушекъ тянулся вдоль его открытыхъ портовъ; на ихъ полированной поверхности отражались безчисленные боевые фонари, которые качались въ снастяхъ. Но болѣе всего внушило намъ ужаса и удивленія то, что онъ плылъ на всѣхъ парусахъ, несмотря на это сверхъ-естественное море и на неистовую бурю. Сначала, когда мы его замѣтили, можно было видѣть только его переднюю часть, потому-что онъ тихо подымался изъ черной и страшной пропасти, которую оставлялъ за собой. Въ одну минуту — минута невыразимаго страха — онъ нѣсколько остановился на этой страшной вершинѣ, какъ будто въ омышеніи отъ своего собственнаго возвышенія, — потомъ заколебался, наклонился, и, наконецъ — скатился по волнѣ.

Въ эту минуту, какое-то внезапное хладнокровіе овладѣло мною. Отбрасываясь назадъ сколько могъ, я ожидалъ безъ трепета столкновенія, которое должно было раздавить насъ. Корабль, на которомъ мы были, и безъ того не могъ уже болѣе бороться съ моремъ и опускался переднюю часть въ воду. Набѣгающій огромный корабль ударилъ его въ подводную часть такъ сильно, что меня подбросило вверхъ, и я, падая, ухватился за снасти чужаго корабля.

Въ то самое время, корабль этотъ, двигаясь впередъ, поднялся по волнѣ, остановился, и потомъ поворотилъ; полагаю, что безпорядокъ, который за этимъ слѣдовалъ, помогъ мнѣ избѣгнуть вниманія людей, на немъ бывшихъ. Стараясь не быть замѣченнымъ, я безъ труда пробрался къ главному люку, который былъ нѣсколько открытъ, и скоро нашелъ удобный случай спрятаться въ трюмъ. Къ чему я это сдѣлалъ? не знаю. Меня, можетъ быть, побудило спрятаться то необъяснимое чувство страха, которое овладѣло мною при видѣ новыхъ мореплавателей. Я ни за что не хотѣлъ довѣриться людямъ, которые, съ перваго взгляда, показались мнѣ до того странными, что во мнѣ возникли и сомнѣніе и страхъ. Поэтому я счелъ за лучшее сдѣлать себѣ убѣжище въ трюмѣ, которое и устроилъ у внутренней стѣны под-

водной части корабля, между огромными его ребрами.

Едва я кончилъ это убѣжище, какъ сейчасъ же долженъ былъ туда спрятаться, потому-что услышалъ въ трюмѣ шумъ шаговъ. Мимо меня прошелъ человекъ дрожавшими шагами. Лица его я не могъ разсмотрѣть, но въ общемъ видѣ его отражалась слабость и дряхлость. Онъ весь дрожалъ на нетвердыхъ ногахъ, подъ бременемъ лѣтъ. Онъ говорилъ самъ съ собою, произнося тихимъ, старческимъ голосомъ нѣсколько словъ, на языкѣ для меня непонятномъ, и рылся въ углу, гдѣ лежали кучею какіе-то странные инструменты и ветхія морскія карты. Въ его примѣмахъ видно было смѣшеніе капризовъ вторичнаго дѣтства съ торжественною важностью. Наконецъ онъ поднялся на палубу, и я его больше не видалъ.

Душою моею овладѣло чувство, для котораго я не нахожу названія, чувство, не поддающееся анализу, не имѣющее для себя выраженія въ готовыхъ словахъ; боюсь, что и будущее не дастъ ему объясненія. Для ума, устроеннаго какъ мой, послѣднее обстоятельство составляетъ истинное мученіе. Чувствую, что я никогда не постигну вполнѣ сущности нынѣшнихъ идей моихъ. Однако, не удивительно, что эти идеи такъ неопредѣленны: источники ихъ совершенно новы. Новое чувство, новое неизвѣданное свойство прибавилось къ душѣ моей.

Давно уже я изъ трюма вышелъ въ первый разъ на палубу этого страшнаго корабля, и чѣмъ дальше, тѣмъ темнѣе и таинственнѣе становится для меня судьба моя. Непостижимые люди! Погруженные въ размышленія, которыхъ и предметъ и свойство для меня недоступны, они, не замѣчая меня, проходятъ мимо. Прятаться — было бы безуміе, потому-что эти люди не хотятъ меня видѣть. Сейчасъ я прошелъ, незамѣченнымъ, передъ глазами старшаго лейтенанта; немного прежде, я пробрался въ каюту самого капитана, и тамъ досталъ средства написать это и все предъидущее. Я изрѣдка буду продолжать этотъ дневникъ. Правда, я не могу найти случая сообщить его свѣту; но все-таки попытаюсь. Въ послѣднюю минуту, я закупорю рукопись въ бутылку, и брошу въ море.

Недавно я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о постройкѣ этого корабля. Хотя онъ и хорошо вооруженъ, но все-таки я не думаю, чтобы это было военное судно. Его снасти, его постройка, все его снаряженіе отстраняютъ такое предположеніе. Къ чему нельзя его причислить, я легко могу сказать, но что именно онъ есть, кажется рѣшить невозможно. Не знаю почему, но разсматривая странную форму его корпуса, необыкновенный видъ его рангоута, его колоссальные размѣры, огромное число парусовъ, строгую простоту его передней части и его корму, устроенную въ старинномъ вкусѣ, мнѣ вдругъ кажется, что ощущеніе не чуждыхъ мнѣ предметовъ мелькаетъ въ моемъ воображеніи какъ молнія, и всегда къ этимъ мимолетнымъ тѣнямъ присоединяется смутное воспоминаніе о старыхъ морскихъ легендахъ разныхъ народовъ и о временахъ давно минувшихъ.

Я вполнѣ разсмотрѣлъ постройку корабля. Онъ сдѣланъ изъ неизвѣстныхъ мнѣ матеріаловъ. Въ деревѣ я нахожу свойства, которыя меня поражаютъ, потому-что прямо противорѣчатъ его назначенію: я говорю о множествѣ поръ въ этомъ деревѣ, независимо отъ поврежденій, сдѣланныхъ червями, неизбѣжными въ здѣшнихъ моряхъ, и отъ гнилости корабля, происходящей отъ его старости. Можетъ быть мое замѣчаніе найдутъ неосновательнымъ, но

мнѣ кажется, что это дерево имѣетъ всѣ свойства испанскаго дуба, растянутаго во всѣ стороны какими-нибудь искусственными средствами.

Перечитывая предъидущее, я невольно припомнилъ замѣчательную поговорку одного стараго голландскаго моряка. Это совершенная истина, — говорилъ онъ всегда, когда выражали хотя бы малѣйшее сомнѣніе въ его правдивости, — такая же истина, какъ и то, что есть море, гдѣ самъ корабль толстѣетъ, какъ живое тѣло моряка.

Чась тому назадъ я осмѣлился проскользнуть въ толпу людей экипажа. Они не обратили на меня ни малѣйшаго вниманія, и хотя я стою посреди ихъ, они, казалось, не сознавали моего присутствія. Какъ въ первомъ, котораго я видѣлъ въ трюмѣ, такъ и во всѣхъ этихъ людяхъ, я замѣтилъ признаки сѣдой старости. Колѣна ихъ отъ слабости дрожали; плечи были согнуты дряхлостью, сморщенная кожа дрожала отъ вѣтра; голосъ у нихъ былъ тихій, дрожащій и разбитый; изъ глазъ струились блестящія старческія слезы, и ихъ сѣдые волосы развѣвались отъ бури. Около нихъ, съ обѣихъ сторонъ палубы, лежали разбросанные математическіе инструменты очень стариннаго устройства и совершенно вышедшіе изъ употребленія.

Корабль, гонимый вѣтромъ, не прекращаетъ своего страшнаго стремленія прямо на югъ, подъ всѣми поднятыми парусами, съ самой вершины мачтъ до низу, и касаясь концами рей самой ужасной влажной бездны, какую только когда-нибудь умъ человѣческой могъ себѣ представить. Я сейчасъ оставилъ палубу, не имѣя болѣе силъ тамъ удержаться; но экипажъ, кажется, не очень страдаетъ. Для меня — это величайшее чудо, что такая огромная масса не поглощена еще окончательно. Мы вѣрно осуждены вѣчно идти вдоль берега вѣчности, не дождавшись никогда окончательнаго погруженія въ бездну. Съ быстротою морской ласточки мы скользимъ по волнамъ, въ тысячу разъ ужаснѣе всѣхъ, какія я когда бы то ни было видѣлъ; гигантскія волны подымаютъ надъ нами свои головы, какъ злые духи бездны; но этимъ злымъ духамъ какъ будто вѣдно довольствоваться угрозами и запрещено уничтожать. Эту постоянную удачу могу я приписать только одной объяснимой, естественной причинѣ: полагаю, что корабль поддерживается какимъ-нибудь сильнымъ теченіемъ или подводнымъ водоворотомъ.

Я видѣлъ капитана совершенно вблизи, въ его собственной каютѣ; но, какъ и ожидалъ, онъ не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Въ его физиономіи, въ цѣломъ, ничто не обнаруживало съ перваго взгляда высшую или низшую природу въ сравненіи съ обыкновеннымъ человекомъ; однако, при видѣ его, во мнѣ пробудилось изумленіе, смѣшанное съ невольными чувствами уваженія и страха. Онъ почти моего росту, т. е. около пяти футовъ и восьми дюймовъ. Онъ очень хорошо и пропорціонально сложенъ; впрочемъ, сложеніе это не выражаетъ ни особенной крѣпости, ни чего бы то ни было замѣчательнаго. Но эта странность выраженія его лица; эта сильная, ужасная, поразительная очевидность старости полной, поглощающей, — все это создаетъ въ моемъ умѣ особенное чувство, — ощущеніе невыразимое. На лбу его морщинъ немного, но какъ будто есть отпечатокъ тысячелѣтій. Волосы его сѣды какъ прошедшее; глаза — таинственны, какъ само будущее. Полъ въ его каютѣ заваленъ странными книгами, въ большой листъ, съ желѣзными застѣжками, старыми математическими инструментами и ветхими картами. Подпершись обѣими руками, пылающимъ

* Сказочный морской змѣй. Прим. пер.

Торговля

и

Промышленность.

X.

Королевское пароходное общество для сообщения Амстердама съ С.-Петербургомъ и другими портами. — Русское общество пароходства и торговли. — Товарищество Донскаго пароходства. — Общество «Русалка». — Начало пароходства по рѣкѣ Волгѣ. — Общество Петергофской желѣзной дороги. — Общество римскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Промышленные новости изъ придунайскихъ княжествъ. — Мѣсторождения каменнаго угля въ Россіи. — Лignite въ Архангельской губерніи. — Сѣра въ симбирской губерніи и въ Мексикѣ. — Новые прииски золота въ Мексикѣ. — Торговый флотъ Финляндии и Бельгіи къ 1-му января 1856 года.

Въ предыдущей статьѣ упомянуто нами объ основаніи *Русскаго Общества Пароходства и Торговли*, имѣющаго цѣлью содѣйствовать развитію торговли южнаго края Имперіи и пароходныхъ, торговыхъ и почтовыхъ сообщений этого края съ русскими и иностранными портами. Общество задумано на широкую ногу, въ уровень иностранными пароходными компаниями, повсюду возникающимъ въ настоящее время за границею; такъ, напримѣръ, въ концѣ августа, составилось въ Амстердамѣ королевское Пароходное общество, для учрежденія сообщеній между Амстердамомъ и 1) С.-Петербургомъ, черезъ Готенбургъ и Копенгагенъ; 2) Данцигомъ, Кенигсбергомъ и Мемелемъ; 3) Гавромъ и Бордо. До-сихъ-поръ наши компании ограничивались тѣснымъ кругомъ каботажнаго, то-есть прибрежнаго, плаванія, предоставленнаго закономъ исключительно русскому флагу, оставляя выгоды заграничныхъ сообщеній иностранцамъ. Поэтому, единодушнымъ сочувствіемъ и общимъ содѣйствіемъ обязаны мы встрѣтить новое предприятие, начатое для пользы и чести отечества. Скорыя, правильныя и удобныя средства передвиженія необходимы для торговли, сходящаяся съ тою жизненною силою, которая обращаетъ въ человѣческомъ организмѣ кровь—представляющую капиталъ—по вѣнамъ и артеріямъ, составляющимъ въ государствѣ пути сообщенія. *Русское общество* дастъ новую сильную жизнь промышленному движенію полупустынного южнаго края Россіи, котораго ожидаетъ великая будущность. Избравъ центральную точкою Одессу, общество будетъ поддерживать внутреннія сообщенія по всемъ берегамъ Чернаго моря съ городами: Ялтою, Редутъ-Кале, Керчью, Евпаторіею, Севастополемъ, Феодосіею, Кинбурномъ, Очаковомъ, Мариуполемъ, Бердянскомъ, Вѣскомъ, Таганрогомъ, Таманью, Николаевомъ, Херсономъ, Овидіополемъ, Аккерманомъ и другими городами, на какіе укажутъ обстоятельства и практика. Заграничныя сообщенія будутъ производиться съ Константинополемъ, Аеономъ, Смирною, Родосомъ, Александрею, Бейрутомъ, Яффою, Александріею, Сирою, Пиреемъ, Зантомъ, Кефалоніею, Корфу, Бары, Анконою, Триестомъ, Мессиною, Неаполемъ, Ливорно, Генуею и Марселью; съ Галапомъ и дунайскими городами: Сулиномъ, Измаиломъ, Рени. Означенныя линіи сообщенія имѣютъ открываться постепенно, по мѣрѣ сооруженія пароходовъ, и черезъ пять лѣтъ сфор-

стремится въ полярную пропасть (на сѣверѣ) и уходитъ въ внутренность земли: самый полюсъ представленъ тамъ черною скалою огромной высоты.

Примѣч. автора.

и безпокойнымъ взглядомъ пожиралъ онъ бумагу, которую я принялъ за служебное предписание: она была за королевскою подписью. Онъ говорилъ самъ съ собой, — какъ первый матросъ, котораго я встрѣтилъ въ трюмѣ, — и бормоталъ тихимъ и печальнымъ голосомъ нѣсколько словъ на незнакомомъ мнѣ языкѣ; и, хотя я былъ совершенно близъ него, но мнѣ казалось, что голосъ его достигаетъ моего уха изъ отдаленія по-крайней-мѣрѣ въ милю.

Корабль, и все въ немъ, носить на себѣ отпечатокъ стариннаго времени. Люди скользятъ туда и сюда, какъ тѣни отжившихъ вѣковъ; въ ихъ глазахъ свѣтится пылая и безпокойная мысль; и когда мнѣ случится видѣть, какъ на ихъ руки падаетъ трепещущій свѣтъ фонарей, — я чувствую что-то такое, чего до-сихъ-поръ никогда не ощущалъ, хотя всю свою жизнь имѣлъ страсть къ древностямъ и лежалъ подъ тѣнью разрушенныхъ колоннъ Бальбека, Пальмиры и Персеполя, до того, что наконецъ и моя душа стала похожа на развалину.

Когда я смотрю вокругъ себя, мнѣ дѣлается стыдно за мой первый страхъ. Если буря, которая насъ преслѣдовала до-сихъ-поръ, заставляла меня дрожать, то не долженъ ли бы я быть уничтоженъ ужасомъ при видѣ этой битвы вѣтра и океана, о которой употребительныя слова: вихрь и симунъ, не могутъ дать ни малѣйшаго понятія? Корабль, въ буквальномъ смыслѣ, заключенъ во мракѣ вѣчной ночи и въ хаосѣ воды, которая больше не пѣнится; но на разстояніи мили съ каждой стороны можно замѣтить неясно и въ промѣжуткахъ, высокія ледяныя горы, которыя поднимаются къ пустыному небу, похожія на стѣны міра!

Какъ я и полагалъ, корабль увлекается теченіемъ, если можно такъ назвать стремительный потокъ, который съ ревомъ и воемъ несетъ черезъ ледъ; съ юга слышенъ гулъ, подобный частому грому, сильнѣе шума самаго страшнаго водопада, падающаго отвѣсно.

Постигнуть ужасъ моихъ ощущеній я считаю невозможнымъ; однако, любопытство—проникнуть въ тайны этихъ ужасныхъ странъ—превышаетъ еще мое отчаяніе и миритъ меня съ близостью смерти. Очевидно, мы стремимся къ какому-нибудь таинственному открытію, — къ неизвѣданной тайнѣ, разъясненіе которой несетъ съ собою смерть. Можетъ быть насъ влечетъ прямо къ южному полюсу. Признаюсь, это предположеніе, повидимому странное, очень вѣроятно.

Люди ходятъ по палубѣ дрожащими и неспокойными шагами; но выраженіе всѣхъ лицъ похоже болѣе на пылкость надежды, нежели на апатію отчаянія.

Вѣтеръ постоянно попутный, и, при нашей страшной парусности, корабль часто подымается весь надъ поверхностью моря. О! ужасъ за ужасомъ! — внезапно ледъ открывается направо и налево, и мы кружимся въ огромныхъ концентрическихъ кругахъ, по краямъ гигантскаго амфитеатра, вершины стѣнъ котораго теряются въ мракѣ и пространствахъ. Мало остается времени мечтать о моей участи! Круги быстро уменьшаются, — мы скользимъ въ объятіяхъ вихря, — подъ ревъ океана и шумъ бури, корабль дрожить.... Боже!... — онъ погружается, — онъ опрокидывается! *

* «Рукопись, найденная въ бутылкѣ», была напечатана, въ первый разъ, въ 1831 году, и только черезъ нѣсколько лѣтъ я узналъ о существованіи картъ Меркатора, на которыхъ изображено, какъ океанъ, четырьмя отверстиями,

мируютъ всѣ предположенныя линіи съ полнымъ числомъ назначенныхъ рейсовъ. Обществу дозволено учреждать буксирное пароходство по рѣкамъ Днѣпру, Бугу и Дону, но, кажется, оно не будетъ въ томъ имѣть нужды, потому-что для тѣхъ рѣкъ уже существуютъ особыя компании, какъ напримѣръ *Товарищество Низоваго по Днѣпру пароходства*, основанное въ прошедшемъ году гг. Розенталемъ и Ходоровскимъ, также въ размѣрахъ весьма широкихъ, съ капиталомъ въ 3 милліона рублей серебромъ. Впрочемъ, по Днѣпру, какъ и по Волгѣ, съ развитіемъ дѣла будетъ работъ не только для одной, но и для нѣсколькихъ компаний. *Русскому обществу* также предоставлено право открыть, если признаетъ выгоднымъ, страховое отдѣленіе для морскаго и рѣчнаго страхованія товаровъ, перевозимыхъ на ихъ судахъ и пароходахъ. Страхованіе—дѣло полезное и необходимое, и даже не отягчительное для страховщиковъ, если будетъ введена *система взаимнаго страхованія*, по нашему мнѣнію выгоднѣйшая изъ всѣхъ системъ. Правительство гарантируетъ *Русское общество* своимъ содѣйствіемъ, нравственнымъ и матеріальнымъ. Акции общества дозволено брать только русскимъ подданнымъ.

Одновременно съ *Русскимъ обществомъ*, возникло *Товарищество донскаго пароходства*, основанное гг. Деревицкимъ, графомъ Н. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и шталмейстеромъ И. М. Толстымъ, для перевозки пассажировъ и различныхъ грузовъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ Дону, а также для покупки и продажи антрацита, добываемаго въ Землѣ Войска Донскаго. Цѣль товарищества—понизить цѣны на фрахтъ, увеличить казенный сборъ и оказать сильное вспомогательное средство къ развитію промышленности вообще и каменноугольной въ особенности, для чего оно устроитъ буксирное и пассажирное пароходство по рѣкѣ Дону и его притокамъ и пристани въ городахъ: Воронежѣ, Павловскѣ и Ростовѣ, и близъ казачьихъ станицъ: Казанской, Усть-Медвѣдицкой, Константиновской, Мелеховской и въ затонѣ Калачевскомъ. Товарищество составлено на паяхъ, которыхъ предположено выпустить тысячу, каждый по 1,000 р. сер. цѣною.

Такимъ образомъ *Русское общество пароходства и торговли*, при содѣйствіи пароходствъ по Дону, Днѣпру и Бугу, и сѣти имѣющихся возникнуть на югѣ Россіи желѣзныхъ дорогъ, въ непродолжительномъ времени разовьетъ внутреннюю дѣятельность южной полосы Россіи и тѣмъ самымъ значительно усилитъ внѣшнюю торговлю.

На Волгѣ, не смотря на нѣсколько существующихъ пароходныхъ обществъ, отъ времени до времени возникаютъ новыя общества. 20 іюля нынѣшняго года Высочайше утверждены уставъ *Общества лекаго пароходства по рѣкамъ Окѣ, Волгѣ и Камѣ*, подъ названіемъ *Русалка*. Цѣль общества «Русалка» — удовлетвореніе потребностей торговаго и промышленнаго сословія въ скоромъ и, по возможности, дешевомъ пароходномъ сообщеніи между отдаленными и многочисленными пунктами на рѣкахъ Окѣ, Волгѣ и Камѣ, для пассажировъ и грузовъ, между Серпуховымъ и Нижнимъ-Новгородомъ по Волгѣ, и по Камѣ до города Перми.

Капиталъ общества 190,000 р. сер., раздѣляется на 190 акций, въ тысячу рублей каждая. Въ 1844 году было основано *Общество Пермскаго пароходства и страхованія по рѣкѣ Волгѣ и Камѣ*, но въ прошломъ 1855 году оно прекратило свое существованіе и сдѣлало ликвидацию.

Пароходство на Волгѣ явилось въ 1818 году. Жившій въ Астрахани, г. Евреиновъ устроилъ тогда пять пароходовъ: одинъ — въ 60 силъ — былъ назначенъ для рейсовъ между